

Изысканный жираф

Источник: "Н. С. Гумилев: PRO ET CONTRA". Составитель Ю. В. Зобнин.

Оригинал здесь: [Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений.](#)

Н. Гумилев, верный рыцарь и паладин "чистого искусства". В наше безбумажное время так приятно взять в руки книжку, напечатанную тонким шрифтом на бумаге чуть ли не "слоновой": "Мик", африканская поэма. Слоновая бумага, к тому же, вполне гармонирует с содержанием африканской поэмы: на страницах ее то и дело проходят перед нами слоны, бегемоты, павианы и прочие исконные обитатели стилизованных лесов Африки. Стилем средним между лермонтовским "Мцыри" и бушевским "Максом и Морицем"[1] автор живописует, как

Неслись из дальней стороны
Освирепелые слоны.
Открыв травой набитый рот,
Скакал, как лошадь, бегемот,
И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат...

Здесь чувствуется, конечно, не только лермонтовский захват, но и самобытное творчество: там -- "пустыни вечный гость, могучий барс", здесь -- рогатая кошка. Не потому ли, кроме "Мцыри", здесь вспоминаются и классические строки из "Детского зверинца в 48 картинках":

Есть зверей рогатых много
И в пустыне, и в лесу;
Но из всех -- у носорога
Одного рог на носу.

А когда два героя поэмы, мальчики Мик и Луи, негритенок и француз, бегут в пустыню (точь в точь как Мцыри!) и испытывают ряд приключений в африканских лесах, предводимые павианом, то радостно приветствуешь старых детских знакомых, вспоминая рассказ о приключениях и шалостях,

Wie zum Beispiel hier von diesen, Welche Max und Moritz hiessen*.

** Вот сейчас мы расскажем
О тех, кого звали Максом и Морицем (нем.) (ред.).*

Конечно, замысел автора отнюдь не юмористический, а самый что ни на есть "романтический": мальчик Луи охвачен неудержимым стремлением за пределы предельного; сделавшись царем павианов, он не удовлетворяется этим высоким достиженьем, он желает стать царем леопардов, а, быть может, и рогатых кошек -- и погибает, оплакиваемый Миком:

"Зачем, зачем, когда ты пал,
Ты павиана не позвал?.."
Завыл печальный павиан,
Завыла стая обезьян...

Так услаждает нас автор чистым и глубоким искусством, не запачканным повседневностью и современностью: поэма являет собою пример и образец того искусства (чистейшей воды!), которому должен верно служить поэт, поклоняясь вечному, а не временному, что бы ни творилось вокруг. Старый мир рушится; новый рождается в муках десятилетий; А. Блок, А. Белый, Клюев, Есенин откликаются потрясенной душой на глухие подземные раскаты, -- какое паденье! какая профанация искусства! И утешительно видеть пример верности и искусству, и себе: в годы мировой бури поэт твердой рукой живописует нам, как Дух Лесов сидит "верхом на огненном слоне" и предается невинному развлечению: